

Заголовок в газете: «Сибирская чума» Петербурга

Опубликован в газете "Московский комсомолец" №27781 от 12 сентября 2018

Возрождение бандитского Петербурга: город переживает расцвет воровской романтики

Как вторая столица оказалась во власти «сибирской язвы» - АУЕ

Казалось, Санкт-Петербург пережил свою криминальную славу бандитского города еще в 90-е годы. И в двухтысячные стал уверенно возвращаться к статусу культурной столицы. Но летом 2018-го мир опять перевернулся: Петербург накрыла волна подростковой преступности.

Информационные ленты запестрели сообщениями: 14–17-летняя молодежь нападает на людей и творит беспредел в самом центре города. После массового избиения гуляющих в Таврическом саду 24 августа всплыла новая для слуха горожан аббревиатура — АУЕ. Как выяснилось, уже несколько месяцев в Питере **орудует подростковая банда, относящая себя к молодежной арестантской субкультуре (АУЕ — «Арестантский уклад един»)**. Откуда появилась эта напасть и как с ней бороться, пыталась разобраться корреспондент «МК».

«Школьников ставили на счетчик»

То, что для города на Неве новость, для Сибири — хорошо известная «болячка». Родиной АУЕ считается Забайкалье. В Чите и районах края более десятка колоний, в том числе для молодежи 14–18 лет. Ныне петербургский адвокат Виталий Черкасов в 90-е и нулевые жил и работал в Забайкалье: сначала сотрудником МВД, потом — корреспондентом местной газеты. По его словам, идеология АУЕ уже тогда цвела в регионе пышным цветом. «Подростки там такое творили, что у меня волосы на голове шевелились, — рассказывает Черкасов. — Такой аббревиатуры тогда еще не звучало, но воровская романтика и житье по арестантским законам было популярно. Тусовки были в основном вокруг школ, ребят из благополучных семей облагали данью, якобы для помощи братьям на зоне. Мы потом проверяли эту информацию — никаких заданий собирать деньги со школьников на воле братья с зоны на самом деле не давали».

В школе же шпана ставила детей «на счетчик», и они начинали выносить из дома вещи на продажу, чтобы погасить долг. А родители долго даже не подозревали, что происходит, пока не замечали отсутствие какого-то предмета или пока ребенок не погибал из-за того, что не мог расплатиться с «авторитетами». Семье он не мог сказать, потому что тогда стал бы стукачом — его пугали, что на зоне он будет опущенным, что банда этого не простит.

«Были такие трагедии, — рассказывает Черкасов. — Но бывало и наоборот. Например, один раз такая банда, зная, что их потенциальная жертва дома в одиночестве (родители уехали на дачу), пришла в квартиру, позвонила в дверь. А мальчик взял на кухне нож, открыл дверь и в завязавшейся потасовке ударил ножом вымогателя».

— Власти что-то предпринимали, чтобы искоренить АУЕ?

— Знаете, мы тогда не раз собирали «круглые столы», все силовые и надзорные ведомства готовы были работать, что-то делать с этим. Но все сошло на нет, когда начались так называемые тучные годы, когда в страну потекли нефтедоллары, видимо, появились деньги на социальную сферу. Уровень жизни повысился, родители стали жить лучше, и это отразилось на детях. Сейчас мы наблюдаем сворачивание социальных институтов, а молодежь, например, видит по телевизору и в журналах красивую жизнь, как богатые люди наслаждаются вещами, приобретенными на сомнительные доходы. И подросток тоже хочет все и сразу. В такой ситуации воровская романтика вновь стала актуальной, только уже в форме субкультуры АУЕ. Прошло всего 10–12 лет.

«До двенадцати они не нападают»

Самые громкие нападения в Питере были в центре города. Поэтому, возможно, подростки, пропитавшиеся блатной романтикой, живут и концентрируются где-то неподалеку. На карте Таврический сад граничит с районом старой жилой застройки, где есть несколько школ. В поисках поклонников АУЕ корреспондент «МК» прогулялась по Советским улицам — они пересекают Суворовский проспект, а до Таврического сада (или Таврика, как зовут его местные) отсюда минут пятнадцать пешком.

На 8-й Советской застаю компанию старшекласников. На бандитов не похожи, хотя обсуждают явно тему АУЕ или «обников» — субкультуру любителей пристать с вопросом «поясни за шмот». «Как это у них там, «поясни за пальто»? — смеются ребята. Они живут и учатся неподалеку, и пока они ждут друга у арки дома, я спрашиваю, знают ли они о банде АУЕ и не напали ли на них.

— Вроде бы пара человек из нашей школы увлеклись этим... Но я лично с ними не общалась. Наверное, в любой школе есть такие... Понимаете, у нас своя компания, и мы с этим миром не связаны, — резюмирует девушка с изысканной готической атрибутикой.

— На вас не напали? — спрашиваю. Тут слово взял парень в очках.

— Обычно интуитивно чувствуешь, когда не стоит выходить на улицу. Например, до двенадцати они, как правило, не нападают, потому что на улице еще могут быть сильные трезвые мужчины, которые им дадут сдачи. А вот в районе двух-трех ночи уже опасно. Еще они ходят группой и нападают на одиночек, а я всегда стараюсь держаться в компании.

— То есть лично вы с такими ребятами не знакомы?

Из двора наконец вышел друг, которого дожидалась компания, который тут же включился в разговор:

— Один мой одноклассник, теперь уже бывший, ушел в эту банду. Мы не общаемся. Сами подумайте, им все равно, на кого нападать, они и детей могут побить. И ведь здесь еще центр — на окраинах наверняка еще хлеще.

Отправляюсь в сторону улицы Некрасова: там находится Центр образования №80, или Рождественская школа — бывшая вечерняя, где какое-то время учились дети из неблагополучных семей. У здания околачивается компания парней лет 17–18. Шутки, гогот. Я говорю, что ищу банду подростков, которые нападают на людей. «О, вам сюда — на третий этаж! Вот вы прямо по адресу пришли». Пытаюсь выяснить, обычная это бравада или мои новые знакомые и правда не чужды субкультуре АУЕ.

Один парень вроде бы решается говорить. «Давай, сдавай всех, крыса!» — «Да нет, вы спросите еще кого-нибудь, я своих не сдаю». Спрашиваю, чем занимается банда и сколько там человек.

— Секс, наркотики, рок-н-ролл. Ну, их, наверное, 15–20, точно не скажешь. По 15–16 лет им. А еще у них там дети есть.

Решаю прояснить ситуацию в школе, и, когда захожу в здание вместе с парнями, женщина-охранник на входе энергично разворачивает моих знакомцев. «А ну-ка пошли отсюда!» Через пару минут мне удалось переговорить с директором: Виталий Камердинеров возглавляет учреждение уже десятки лет и, по его словам, их школа «всегда была рядом с детьми, оказавшимися в трудной ситуации». Проглядев странички учащихся в соцсети, можно понять, что среди старшекласников (а в Центре образования учатся только 8–11-е классы) много футбольных фанатов, некоторые интересуются радикальными группировками и ультрасами, также пабликами, которые прикрываются названием «модники», по сути аккумулируя субкультуру «поясни за шмот». Они же информируют о судьбе лидеров старых петербургских группировок скинхедов.

Тут, конечно, очевидна преемственность поколений. До того как местные власти раскрутили бренд «культурная столица», Петербург не без оснований считался «столицей криминальной», а легенды о местных скинхедах помнят до сих пор.

Как развалить арестантский уклад

В Петербурге с 2008 года работает (официально зарегистрированное в 2010 году) ООО «АУЕ» — компания, помогающая организовать передачи в тюрьмы и колонии. На сайте этой чудесной организации можно зарегистрироваться и тут же заказать передачу в СИЗО, колонию, изолятор. А еще именно в Петербурге находится уникальный для России центр реабилитации подростков, совершивших правонарушение, — Центр святителя Василия Великого. Здесь о проблеме АУЕ знают давно и борются с арестантским молодежным укладом по мере сил. А их не хватает.

У нас собираются, скажем так, харизматичные лидеры, которых важно оторвать от криминальной среды, — рассказывает директор центра Юлиана Никитина. — Сейчас сложилась ситуация, когда в стране высвободилось огромное количество подростков: в связи с оптимизацией закрывают вечерние школы, а там много учащихся с девиантным поведением. Ни одна нормальная школа не хочет брать таких учеников. Какие-то кружки, секции и прочее подростку зачастую недоступны до тех пор, пока он не совершит правонарушение, то есть пока не получит направление от инспектора (по делам несовершеннолетних. — А.С.). Получается, что заниматься проблемными ребятами, в принципе, начинают тогда, когда уже, по сути, поздно. А ребенку, подростку нужна игра, и АУЕ — удобная модель в этой ситуации. Они ведь хотят признания, а через эту субкультуру его можно своеобразным образом добиться. Я думаю, сейчас они, что называется, хайпанули на нападении в Таврическом саду, и многие захотят отличиться на этом фоне. Причем если у жителей Москвы и Петербурга еще есть какой-то страх перед реальными местами лишения свободы, то в регионах его зачастую нет. Если ситуацией не заниматься, то всякое может быть — например, в Латинской Америке с подростковыми бандами боролась регулярная армия. Ведь еще десять лет назад представить, что петербургские мальчишки будут вести странички в соцсетях на тему АУЕ, было невозможно.

— Какие методы вы применяете для реабилитации? Достаточно ли их?

— Мы считаем, что ключевое — это жесткий социальный контроль подростка и одновременно трезвое объяснение ему ситуации. Не страшилки всякие, а просто факт: именно в это время, пока ему 14–18 лет, у него еще есть выбор, по какой дороге идти. Потом — уже нет. Мы организуем для них досуг: есть гончарная мастерская, кинопоказы, летняя «Школа странствий», походы по Русскому Северу с воспитанниками и взрослыми волонтерами. Все, конечно, под тщательным контролем. Когда у нас ребята делают в гончарной мастерской кружечки с рисунком «АУЕ», мы полицию вызываем, потому что это распространение тюремной субкультуры. В год центр может принять порядка 20 ребят (центр работает только с мальчиками. — А.С.) на глубокую реабилитацию с проживанием. Еще примерно в пять раз больше подростков мы принимаем на кураторство, но это, конечно, менее эффективно. Чтобы ситуация изменилась хотя бы в городе, через глубокую реабилитацию должны проходить хотя бы сто человек в год. Но у нас не хватает ресурсов. Когда обращаемся в организации, компании, фонды, везде говорят: «Давать деньги на этих? Да вы что, мы не будем, мы инвалидам помогаем». Помогать трудным подросткам просто непопулярно.

Живет центр на пожертвования и гранты, которые все-таки удается иногда получить. За все время работы центра через него прошли 312 человек, из них 273 не стали рецидивистами.

«Филиал дурдома»

Впрочем, для многих подростков АУЕ — лишь подражание. Писатель и журналист Александр Сидоров (пишет под псевдонимом Фима Жиганец), тесно связанный с уголовно-арестантским миром, автор нескольких книг по теме, рассказал «МК», насколько АУЕ имеет отношение к реальным порядкам и быту арестантов и заключенных.

— В чем причина популярности АУЕ? Почему мода на эту субкультуру стала массовой именно сейчас?

— В конце 2015 года шестеро воспитанников из коррекционного интерната в городе Хилок закидали камнями полицейский участок и оторвали вывеску в знак протеста против задержания на уроке пьяного школьника. А в поселке Новопавловка родители школьников избili нескольких хулиганов, которые трясли с ребят деньги. Таких случаев — тысячи по России. Отличие забайкальских в том, что малолетние отморозки использовали аббревиатуру АУЕ. Ну так они ее использовали еще с начала 2000-х! Родилось движение как раз в Забайкалье — одном из самых нищих, забытых, отсталых районов России, который отличается чудовищной деградацией. У подростков нет ни перспектив, ни социальных лифтов, их родители работают за гроши. Причины хулиганства — чисто социальные.

По мнению Сидорова, проблема существовала много лет, но ее никто не замечал, пока репортаж о нападении не выпустили на центральном телевидении.

— Насколько близки подростки из банд АУЕ к реальному арестантскому укладу?

— Ни в малейшей степени. Это субкультура гопников — мелкой шушеры, быдла, недоумков и уродов. Да, некое подражание блатной романтике есть, но носители АУЕ почти ничего не знают ни об уголовном укладе, ни об арестантских законах и традициях. Сведения в основном на уровне воспитательных колоний, которые традиционно считаются в преступном мире «филиалом дурдома».

— Что эта субкультура заимствовала из быта и понятий арестантов?

— Да ровным счетом ничего, кроме некоторых внешних атрибутов и отдельных словечек. «Рамсы», «рамсить», «кто ты по жизни», идиотские ритуалы «прописок», «загадок», которые уже неприемлемы во взрослом уголовном мире. В остальном АУЕшники сами придумывают свою субкультуру, в основе которой — звериная детская жестокость, ненависть к ментам и лохам, показная понтовость и прочее. АУЕшник — типичная калька с Промокашки из фильма «Место встречи изменить нельзя».

...Троих участников нападения в Таврическом саду суд арестовал на два месяца. Вину фигуранты не признают, от дачи показаний отказываются. Что в целом соответствует воровским понятиям. Но, по крайней мере, нападения в городе пока прекратились. Надолго ли?

Заголовок в газете: «Сибирская чума» Петербурга

Опубликован в газете "Московский комсомолец" №27781 от 12 сентября 2018